

Первый мир (девять)

Му Цинли, разумеется, так и не удалось выпросить жену у Е Фанчэна. Напротив, тот с помрачневшим лицом выпроводил его из кабинета императора.

Му Цинли, не боясь навлечь на себя гнев, напоследок бросил:

— Император, вы и вправду такой скупой.

Е Фанчэн чуть не задохнулся от ярости.

Спустя долгое время, после нескольких миров, где Му Цинли был послушным и легко поддавался на уговоры, Е Фанчэн вновь испытал давно забытое чувство — смесь раздражения и полного бессилия перед ним.

Когда гость ушел, он лишь тогда пришел в себя и осознал, что устроенный им спектакль с выбором наложниц не принес ожидаемого результата.

Му Цинли не выглядел ни капли расстроенным.

— По-моему, не о чем волноваться. Если судить по прогрессу выполнения задачи, всё идет весьма оптимистично, — отозвался голосок в голове, который смотрел на вещи проще.

Однако Е Фанчэн, размышляя глубже, чувствовал, что что-то не так, хотя и не мог понять, в каком именно звене произошел сбой.

— О? Младший господин из клана Му?

Тем временем Му Цинли, уже направлявшийся домой, встретил на пути человека, который, судя по всему, был с ним знаком.

Перебрав в памяти лица, он наконец вспомнил, кто перед ним.

Лян Шэн, потомок того же клана, что и наложница Лян, ровесник Му Цинли. Строго говоря, он приходился Е Фанчэну двоюродным братом. Однако Лян Шэн с детства недолго любил Му Цинли. Когда будущие императоры были еще детьми, они вместе с Му Цинли посещали одни и те же занятия. В то время Му Цинли был самым милым и искренним ребенком в академии, и принцы любили проводить с ним время, а Е Фанчэн и вовсе исполнял любое его желание.

Как двоюродный брат, Лян Шэн, естественно, чувствовал досаду.

Однако в последнее время, из-за опасений Е Фанчэна перед кланом Му, должность канцлера была разделена на левого и правого. Левым пока оставался отец Му Цинли — Му Цюаньсун, а правым назначили отца Лян Шэна, выдвиженца из клана Лян.

Клан Лян так долго находился под гнетом клана Му и наконец начал поднимать голову. Встретив Му Цинли, Лян Шэн не смог сдержать торжества.

— Надо же, я всё это время часто бываю во дворце, но встречаю тебя впервые. Давно не виделись, как дела в семье? — спросил Лян Шэн, но, не дожидаясь ответа, с наигранным выражением лица добавил: — Ах да, сегодня утром я узнал от отца о делах вашего клана Му. Уверен, твой дядя ни в чем не виноват и никак не мог совершить предательство.

Му Цинли смотрел на Лян Шэна так пристально, что тот перестал улыбаться, и атмосфера стала неловкой. Наконец Му Цинли сложил руки на груди, слегка усмехнулся и ответил:

— Благодарю за беспокойство, господин Лян. Дома всё хорошо.

— Вот и славно, — на словах согласился Лян Шэн, но в мыслях презрительно фыркнул.

Плачет, небось, втихаря, как маленькая плакса? А язык-то какой острый.

В детстве это тело действительно было склонно к слезам: стоило споткнуться и содрать кожу, как на глазах наворачивались слезы. Это не было раздражающим ревом, скорее, жалобным поджатием губ, отчего становилось невыносимо жаль ребенка.

Взгляд Му Цинли стал холоднее, но Лян Шэн, упиваясь своей гордостью, не заметил этого и продолжил:

— Кстати, император, жалея канцлера Му, поручил моему отцу разделить с ним заботы. Наверняка наши семьи станут общаться еще теснее. Не хочешь ли воспользоваться тем, что мы оба свободны, и выпить по чарке, поболтать?

По правилам приличия, воспитанный человек согласился бы пообщаться.

Но Му Цинли не питал симпатии к Лян Шэну, который в детстве, пользуясь его кротостью и молчаливостью, часто задирали его. Му Цинли не хотел оказывать ему такой чести:

— Нет, благодарю. Я очень занят, боюсь, у меня нет на это времени.

Лицо Лян Шэна мгновенно перекопилось от злости, но, поскольку вокруг было полно людей, он не решился устроить сцену, лишь внутренне кипел от негодования.

Проклятый Му Цинли, посмотрим, как долго ты еще сможешь важничать.

Он ведь наверняка не знает, что вся доброта императора все эти годы была лишь способом использовать его, чтобы усмирить клан Му.

К несчастью для Лян Шэна, Му Цинли прекрасно об этом знал.

Будто желая спровоцировать его, Лян Шэн погладил подбородок и сделал вид, что задумался:

— Кстати, ты только что виделся с Его Величеством? Слышал, он сейчас выбирает наложниц.

— На самом деле императору нелегко, вдовствующая императрица и министры постоянно давят на него в этом вопросе.

Му Цинли точно не знает, что в тот день я сам слышал, как император клялся тетушке, что совсем не любит мужчин и считает их связь отвратительной.

Му Цинли, собиравшийся ответить, слегка замер.

Тетушка Лян Шэна — это мать Е Фанчэна, наложница Лян, ныне вдовствующая императрица.

Об этом он действительно не знал.

Му Цинли невольно прищурился, а в уголках его губ затаился холод.

Его маленький ученик и впрямь умеет преподносить сюрпризы.

Он невозмутимо ответил:

— Знаю. Только что я дал Его Величеству немало советов, но прислушается ли он — это уже другой вопрос.

Насладившись выражением растерянности на лице Лян Шэна, Му Цинли с чувством удовлетворения удалился.

Слова, сказанные Е Фанчэном, скорее всего, предназначались для того, чтобы дойти до него и вызвать гнев. В конце концов, во дворце и за его пределами все знали об их отношениях с Е Фанчэном, и Лян Шэн был в курсе. Если бы император действительно произнес подобное при стольких людях, весть об этом рано или поздно дошла бы до него.

Будь на его месте прежний Му Цинли, который всей душой предан Е Фанчэну, он бы точно не вынес этого и сломался.

Что касается нынешнего...

— Не возвращаемся в поместье Му, — сказал Му Цинли извозчику и направил его в другое место.

Е Фанчэн действительно сумел его разозлить, но Му Цинли полагал, что развитие событий пойдет совсем не так, как рассчитывал император.

Последним пунктом назначения стала загородная усадьба в южном предместье, где скрывался Е Фанцзин.

— А-Ли, ты... почему ты снова привез мастеров по ремонту? — Е Фанцзин всегда был рад видеть Му Цинли и выходил встречать его с хорошим настроением.

Увидев, что тот снова привез небольшую группу рабочих, которые только недавно уехали, он не мог не удивиться.

Некоторое время назад Му Цинли уже привозил их, чтобы построить каменную комнату в дальнем углу усадьбы. Он не скрывал этого от Е Фанцзина, и тот имел возможность взглянуть на постройку, однако впечатления остались неоднозначные.

Дизайн был странным: Му Цинли зачем-то велел установить железные решетки, очень похожие на тюремные, словно для того, чтобы не дать кому-то сбежать.

Му Цинли вежливо ответил:

— Я много думал об этой комнате и решил, что она слишком проста. Хочу попросить мастеров добавить несколько орудий для наказаний.

— По крайней мере, это послужит хорошим сдерживающим фактором, — Му Цинли мягко улыбнулся.

— ...? — Е Фанцзин подавился воздухом, не решаясь даже представить, для чего на самом деле нужна эта комната.

Дав указания мастерам, Му Цинли отправился в столовую, где пообедал с Е Фанцзином.

Уходя, он добавил:

— Кстати, отношение императора ко мне становится всё холоднее, а недавно он и вовсе выбрал семью моего дяди в качестве жертвы, чтобы запугать остальных.

— Как продвигается дело, о котором мы говорили?

Тон Му Цинли напоминал учителя, проверяющего домашнее задание. Е Фанцзин подсознательно выпрямился и стал серьезнее:

— Мой дед прислал секретное письмо: с главнокомандующим всё улажено.

— В свое время наложница Лян ради борьбы за благосклонность погубила младшую сестру главнокомандующего, и у него затаилась обида.

Му Цинли остался доволен результатом:

— Неплохо. Что касается клана Му, я тоже принял меры, не ставя в известность Его Величество.

Конфискованное имущество — лишь капля в море, большого ущерба это не нанесло, так что пусть тешится.

В конце концов, это его дорогой маленький ученик, нужно хоть немного потешить его самолюбие.

Е Фанцзин помолчал, а затем спросил:

— Слышал, этим летом император собирается принудительно согнать людей на строительство городских стен, очистку каналов и даже на возведение летних садов и дворцов?

Первое еще можно принять за государственное строительство, а второе — чистое развлечение. Е Фанчэн только-только укрепил власть и уже начал вершить дела, боясь, что в народе начнут роптать.

Подумав об этом, Е Фанцзин украдкой взглянул на Му Цинли.

Он также слышал, что Е Фанчэн с размахом готовится к выбору наложниц, чтобы наполнить гарем.

Му Цинли наверняка знает об этом, но выглядит очень спокойным.

Е Фанчэн вспомнил тех мастеров, которых привели ранее, и на мгновение замер, подумав, что, возможно, всё не так просто.

— М-м, ничего страшного, пусть делает. Для наших будущих действий это даже к лучшему. — Должно быть, Е Фанчэн делает это намеренно, чтобы позже найти повод свергнуть его?

Какой же послушный ученик.

.

С того дня Му Цинли долго не виделся с Е Фанчэном. Он стал проводить больше времени в кабинете, даже начал рисовать картины и писать книги.

В прошлой жизни он любил заниматься литературой и каллиграфией, для него это было хобби.

Однако его работы случайно попали в народ, и их обнаружили скромные, но талантливые люди искусства, которые начали приходить к нему, желая обсудить творчество.

Му Цинли был удивлен. Ему было куда приятнее общаться с такими людьми, чем с такими, как Лян Шэн, который, получив власть, тут же стал заносчивым. Поэтому, даже без Е Фанчэна рядом, его жизнь была весьма насыщенной и интересной.

Наступило лето, день рождения Е Фанчэна.

Он еще не достиг возраста для празднования юбилея, но, возможно, из-за недавнего восшествия на престол и необходимости расширения гарема, в этом году в императорском дворце устроили пышный банкет, пригласив множество знатных особ.

Как часть клана Му, Му Цинли также оказался в списке гостей и сопровождал Му Цюаньсуна.

Му Цюаньсун был не в духе:

— Эх, Его Величество отобрал у твоего дяди пост главы Далисы, уволил всех, кого тот продвигал, и заменил людьми из клана Лян.

Му Цинли показалось, что отец не столько огорчен, сколько разочарован тем, что доверился не тому человеку.

— Отец, не переживай, разве мы не ожидали этого? — утешил его Му Цинли. — По крайней мере, мы узнали об этом не слишком поздно.

В саду, где проходил банкет, уже собралось много людей в роскошных нарядах.

Особенно выделялись девушки из знатных семей, которые редко выходили в свет. Они нарядились так, что напоминали порхающих в сказочном лесу фей.

Лян Шэн тоже был среди гостей.

В отличие от спокойного Му Цинли, его мгновенно окружила толпа знатных особ. Было видно, как он наслаждается этим вниманием. Все видели, что Е Фанчэн после коронации начал возвышать клан Лян и ослаблять клан Му.

Тем более, что наложница Лян стала вдовствующей императрицей, и все стремились угодить клану Лян, полагая, что клан Му скоро потеряет свое влияние.

Му Цинли заметил, что Лян Шэн, увидев его, что-то шепнул своим спутникам, после чего все посмотрели в их сторону и начали перешептываться, прикрывая рты ладонями.

Му Цинли не обратил на это внимания.

Знатных господ не интересовал Му Цинли, который раньше был в центре внимания, зато девушки во главе с дочерью министра обрядов, немного поколебавшись, робко подошли к нему.

— Господин Му, наконец-то мне посчастливилось встретиться с вами.

Дочь министра обрядов, Чжао Шиюнь, была не только красавицей, но и обладала прекрасным воспитанием, в ее речи чувствовалась мягкость и утонченность.

Му Цинли удивился:

— Мы знакомы?

Не только она, но и ее спутницы показались ему смутно знакомыми.

Все они были на портретах у Е Фанчэна.

Чжао Шиюнь кротко улыбнулась:

— Мы видимся впервые, но я давно наслышана о вас, господин Му.

— Да, господин Му, мы видели ваши картины, сборники стихов и книги, — восторженно добавила девушка, стоявшая за спиной Чжао Шиюнь, и подмигнула ему. — У семьи Чжао в коллекции есть несколько ваших картин, они купили их за огромные деньги, нам почти не досталось.

От этих слов Чжао Шиюнь покраснела и с притворным негодованием взглянула на подругу.

Такой прямолинейной и открытой могла быть только Ян Хуэй, внучка старого генерала Яна.

Му Цинли наконец понял, откуда они его знают, и скромно ответил:

— Это лишь плоды сиюминутного вдохновения. Если они вам так нравятся, можете попросить людей из вашего поместья передать мне весточку, не нужно тратить такие деньги.

— Учитывая ваше положение, я, конечно, пойду вам навстречу.

Девушки из знатных семей с детства учились грамоте, поэтому их искренне интересовали работы Му Цинли, его сдержанность в текстах и живость в картинах.

Му Цинли был очень вежлив с ними и не возражал против беседы, не подозревая, что невольно стал объектом зависти многих.

Особенно для группы людей во главе с Лян Шэном.

Чжао Шиюнь была самой красивой девушкой города, многие добивались ее внимания, и Лян Шэн не был исключением. Он даже пытался ухаживать за ней, но она всегда была с ним холодна и сдержанна. Он никогда не видел, чтобы она смотрела на кого-то с таким сиянием в глазах.

Его охватила жгучая ревность.

Е Фанчэн появился в самый разгар банкета.

На самом деле его не интересовали подобные мероприятия, но согласно сценарию, сегодня он должен был общаться с красавицами, высматривая будущих наложниц и императрицу, что должно было вызвать у Му Цинли еще больше...

— ...? — Е Фанчэн перевел взгляд на группу оживленно беседующих женщин и, заметив среди них выделяющегося ростом и внешностью Му Цинли, поначалу решил, что ошибся.

Почему девушки, которые должны были виться вокруг него, все стоят рядом с Му Цинли? И они выглядят такими довольными!

У Е Фанчэна опустело в голове, тело отреагировало быстрее мысли, и он направился прямо к Му Цинли.

В саду воцарилась тишина. Чжао Шиюнь и другие девушки прервали разговор, отступили в сторону и почтительно поклонились императору.

Вокруг Му Цинли стало пусто, и теперь он стоял лицом к лицу с Е Фанчэном. На лице Му Цинли осталась легкая улыбка, а Е Фанчэн смотрел на него с тяжелым взглядом, явно не в духе.

— И надо же было ему зариться на женщину императора, поделом ему, — прошипел Лян Шэн, стоя позади толпы.

А Му Цинли, глядя в глаза Е Фанчэну, услышал его недовольный внутренний голос:

Он даже не думает, как убить меня, вместо этого прохлаждается в женском обществе.

Никакого честолюбия.

В последней фразе слышалось разочарование.

□□□□□□□□□□□□□□□□

Плохой император: ...А-Ли, что ты собираешься делать с той комнатой и вещами?

Му Цинли: Угадай?

#Обновление пришло!#

#Плохой император чувствует, что его «кинул» тот, кого он сам должен был «кинуть» (?)#

Первый мир (десять)

— Ваше Величество, — даже под прицелом стольких глаз Му Цинли сохранял спокойствие и почтительно поклонился.

В отличие от молчаливого Е Фанчэна, Му Цинли выглядел свежим и бодрым, в его глазах играла легкая улыбка, словно он встретил что-то приятное.

Большинство решили, что Му Цинли просто рад успеху у дам, но сам он лишь подумал, что маленький ученик, кажется, уже не так противен.

Хотя обида на предательство всё еще жила в нем.

Е Фанчэн подсознательно хотел заговорить с Му Цинли, но, вспомнив, что должен делать, лишь холодно взглянул на него и, заложив руки за спину, удалился.

Даже не ответил на приветствие.

— Начинайте, — равнодушно скомандовал Е Фанчэн.

Его отношение к Му Цинли безмолвно подтвердило догадки присутствующих, и взгляды, которые они бросали на клан Му, стали многозначительными.

Му Цюаньсун привык к бурям и не обращал внимания на эти взгляды. Он опасался за Му Цинли, но, увидев, что тот спокойнее его самого, даже слегка похлопал его по спине, успокаивая.

Банкет начался, гости заняли места. Му Цюаньсун, как левый канцлер, сидел на почетном месте, а рядом с ним — Му Цинли.

Е Фанчэн, как хозяин банкета, вел себя так, будто ничего неприятного не произошло, улыбался и произносил красивые речи.

Затем начались танцевальные номера, но Му Цинли они не интересовали. Он слушал лесть окружающих в адрес Е Фанчэна, опустив голову и молча вкушая блюда, словно отгородившись от мира.

Вдруг раздался шум, Му Цинли поднял глаза и увидел, что Чжао Шиюнь, обнимая пипу, готовится к выступлению.

Она сидела прямо напротив него, поймав его взгляд, вежливо улыбнулась и начала играть.

Это была мелодия «Песня заставы».

Му Цинли она нравилась, поэтому он с интересом слушал ее.

Скорее, чем любовное влечение, о котором судачили другие, это было чувство родственных душ, встретивших равных по таланту.

По идее, Му Цинли из этого мира тоже должен быть любителем мужчин, разве нет?

Му Цинли слышал в голове знакомый тяжелый голос.

Сейчас все его мысли были сосредоточены на маленьком ученике, поэтому он слышал только его внутренний голос.

— Да, он любит только Е Фанчэна. Ты слишком много думаешь, может, они просто хорошие друзья.

Познакомились один раз — и уже близкие друзья? Если будут видеться чаще, это не повлияет на развитие сюжета? — в голосе маленького ученика сквозила тревога за будущее.

— Ну... тогда придумай что-нибудь?

После этих слов Му Цинли больше не слышал ни звука.